

Су Шэнь в этот момент двумя руками вылавливал из котелка лапшу, услышав эти слова, он лишь на мгновение замедлил движения, а затем продолжил с трудом тянуть руку, чтобы положить лапшу в маленькую тарелку.

Сун Хайлин уже был на взводе, и, услышав это, прежде чем кто-либо успел среагировать, вскочил, быстро перешагнул несколько шагов, схватил Нань Жуя за руку, затем сзади сильно ударил его по колену, заставив упасть на колени, а затем наступил на его голень.

— Веришь, что это ты никогда не сможешь встать?

Сун Хайлин говорил холодным тоном, который звучал ещё более зловеще в ушах Нань Жуя.

Низкорослый уже был напуган Сун Хайлином до полусмерти, скрылся в толпе и исчез без следа, а вот зубрила проявил немного мужества, дрожа, тихо уговаривал, даже запинаясь от страха:

— Этот ученик... извините, это наша ошибка, я извиняюсь за него, но насилие — это неправильно, вы сами...

— Заткнись! — Сун Хайлин обернулся и тихо сказал.

Зубрила вздрогнул и проглотил оставшиеся слова.

— Ты, ты, ты, ты, — Нань Жуй, опираясь на землю, пытался говорить, но мог только повторять «ты», и наконец продолжил:

— Это нарушение закона.

— Я, чёрт возьми, покажу тебе, что такое настоящий закон, — Сун Хайлин надавил ногой.

Су Шэнь наконец выловил всю лапшу, освободился и взглянул в эту сторону. Вокруг уже собралось несколько людей, знакомый официант спешил вниз за Братцем Гуаном. Су Шэнь остановил официанта:

— Ничего серьёзного, не надо беспокоить Братца Гуана.

Он подошёл и крикнул:

— Да Линь.

Этот крик озадачил Сун Хайлина. Он слышал, как Су Шэнь полностью произносил его имя, и как он в шутку называл его Чернышом, Сун Чернышом, но никогда не слышал, чтобы его звали «Да Линь».

Раньше в школе Пань Шичэн любил называть его «Да Линь», и несколько близких друзей тоже иногда так его звали, но тогда это не казалось странным. Однако когда это произносил Су Шэнь, это звучало как-то неестественно, с оттенком интимности.

— Да Линь, — повторил Су Шэнь, — иди есть.

Сун Хайлин смотрел на Су Шэня, и тот сделал ему беззвучное движение губами: «Не обращай внимания на этого идиота».

Только тогда он убрал ногу, схватил Нань Жуя за воротник и поднял его, сказав:

— Извинись!

Нань Жуй, которого Сун Хайлин держал так, что он не мог пошевелиться, теперь ещё и задыхался от того, что воротник рубашки врезался в шею, а нога болела. В этот момент у него не было никаких мыслей, кроме как поскорее избавиться от этого чёрного демона.

Он невнятно пробормотал:

— Извините.

— Ему! — Сун Хайлин толкнул его в сторону Су Шэня.

— Извините, — Нань Жуй всё ещё говорил шёпотом.

Зубрила, умея читать обстановку, быстро подошёл и, держа Нань Жуя, поклонился Су Шэню с искренним извинением, повторяя:

— Извините.

Только тогда Сун Хайлин фыркнул и, подтолкнув Су Шэня, вернулся на своё место.

Низкорослый только тогда вышел из толпы, и после этого инцидента трое, не поев, поспешили вернуться в школу на вечерние занятия.

Су Шэнь вернулся и увидел, что его лапша превратилась в кашу, с сожалением положил её обратно в котелок.

Сун Хайлин всё ещё был мрачен, излучая ауру, которая отталкивала всех.

Су Шэнь рассмеялся:

— Твоё лицо больше похоже на кашу, чем моя лапша.

Тянь Чжэ тоже посмотрел на него и, подыгрывая Су Шэню, сказал:

— Шарпей.

И правда, похоже.

Сун Шарпей недовольно засунул в рот пучок грибов эноки и громко зажёвывал:

— Ты совсем не злишься?

Су Шэнь поднял на него глаза и через некоторое время тихо сказал:

— Какое это имеет ко мне отношение?

— Как это не имеет отношения!

— Они сказали пару слов, от этого я ничего не потеряю. Даже если бы они не сказали, разве я смог бы встать? — Су Шэнь взял кусок торта из новой тарелки, которую принёс Тянь Чжэ, и протянул его Сун Хайлину. — Но, честно говоря, вид Нань Жуя в таком состоянии доставил мне удовольствие.

Су Шэнь сказал это и улыбнулся, вид Нань Жуя действительно поднял ему настроение.

После смеха Су Шэнь почувствовал лёгкую грусть. Если подумать, в последнее время его часто выводил из себя Цюй Шижань, но Сун Хайлин всегда каким-то образом умудрялся поднять ему настроение. По сравнению с ним, Сун Хайлин всегда был полон энергии, хотя вначале он часто выглядел недовольным, но в итоге он был довольно милым человеком.

Вся его семья была довольно... милой.

Су Шэнь подумал о громком голосе бабушки Сун и о ежедневных спектаклях, которые разыгрывались из-за глухоты дедушки Сун.

Вернувшись домой, он увидел, что его собственный двор был погружён во тьму, бабушка уже легла спать по своему распорядку, и во всём дворе не было ни звука. Из соседнего дома доносился приглушённый голос бабушки Сун, которая, казалось, ругала Сун Хайлина за позднее возвращение.

Су Шэнь вздохнул.

На самом деле он не завидовал.

У каждой семьи свой образ жизни, и их семья была такой. Включая его самого, он был крайне

независимым, и между членами семьи всегда сохранялась небольшая дистанция, они уважали друг друга, заботились, но никогда не переходили границ. Например, бабушка Су никогда не звонила ему, чтобы спросить, где он, как это делала бабушка Сун.

Отчуждённые родственные связи.

Так Су Шэнь всегда это описывал.

Его бабушка в молодости училась за границей и влюбилась в дедушку с первого взгляда. Её семья, считая, что дедушка был из деревни, делала всё, чтобы помешать их отношениям, но бабушка была непреклонна и оставалась с дедушкой до конца.

После смерти дедушки бабушка постепенно потеряла интерес к жизни, и Су Шэнь всегда думал, что, если бы не он, бабушка уже давно последовала бы за дедушкой.

Поэтому в воспитании она придерживалась западных принципов: каждый заботится о себе, проявляет умеренную заботу и сохраняет личное пространство.

Бабушка Су редко заходила в комнату Су Шэня, и он тоже не заходил в её комнату, они не мешали друг другу.

Он помнил, как давно заходил в комнату бабушки Су. Внутри она была оформлена в том же стиле, что и весь дом, всё ещё сохраняя обстановку времён дедушки, с деревянной мебелью, которая, хоть и устарела по стилю, была из качественных материалов.

На стене напротив входа висела фотография бабушки и дедушки, на столе стоял портрет дедушки, но больше всего Су Шэню запомнился маленький красный деревянный сундук в углу, на котором висел изящный золотой замок, тихо стоящий в углу. Это место, где обычно скапливается пыль, но сундук был безупречно чист.

В детстве Су Шэнь был таким же, как сейчас, без особого любопытства, но содержимое этого сундука всё же вызывало у него интерес.

Лёжа в постели, он раз за разом думал о загадочных словах Цюй Шижана, каждое из которых, казалось, содержало какую-то подсказку, но при этом не давало никаких конкретных намёков. Нельзя не признать, что Цюй Шижан мастерски играл словами. Возможно, он и не собирался убеждать Су Шэня во время этой встречи, но точно посеял в его душе зёрна сомнения, которые через несколько дней прорастут, и жажда правды, а также годы неудовлетворённости вырвутся наружу.

Если это действительно было его намерение, то Су Шэнь мог сказать, что он уже добился успеха.

Сейчас он был как слепой, на которого набросили чёрную ткань. Зная, что такой человек

существует, независимо от того, сможет ли он когда-нибудь снова видеть, он хотел узнать, кто же этот злой гений, который задумал такое.

Если источником всего была та авария на шахте, то то, что такое крупное событие было тихо замолчано, говорит о том, что оно затрагивает множество людей, и, вероятно, Цюй Шижан не осмелится действовать слишком активно. Более того, он, возможно, даже нуждается в поддержке семьи Су. На самом деле он, скорее всего, просто делает вид, чтобы заставить Су Шэня первым пойти на уступки.

Однако человек, ближе всего находящийся к уликам в руках семьи Су, — это сам Су Шэнь, и, если он найдёт эти улики, он окажется в выигрышной позиции.

Что касается правды о тех событиях, если Цюй Шижан смог её раскопать, то Су Шэнь тоже сможет. Хотя это потребует времени.

С одной стороны, это авария на шахте, с другой — автокатастрофа. Если удастся найти зацепку в любом из этих событий, то всё грязное и тёмное, что скрывается внутри, выльется наружу.

<http://bllate.org/book/15285/1350498>